

Представляем рубрику

Данную рубрику мы впервые вводим в этом номере. Так называемые **case studies**, или ситуационные исследования, являются одним из весьма распространенных и широко обсуждаемых методов социально-гуманитарных наук. В самом общем виде они представляют собой междисциплинарную методологию анализа индивидуальных субъектов, локальных групповых мировоззрений и ситуаций, используемую в клинической психологии, социологии, этнографии, ряде современных эпистемологических течений (когнитивной социологии, социальной эпистемологии, антропологии познания). Именно в контексте последних ситуационный анализ получает специальную разработку, внося существенную новизну в сферу социально ориентированных теоретико-познавательных исследований.

Термин «case studies» возник, по-видимому, в юридической и клинической практике, как скоро некоторые значения английского слова «case» подчеркивают индивидуальность, персонифицированность объекта («прецедент», «лицо, находящееся под наблюдением»). Сама идея ситуационной методологии восходит к «идиографическому методу» баденской школы неокантианства и герменевтике Г. Дильтея, биографическим исследованиям творческого процесса (К. Ломброзо, Ф. Гальтон). Она содержит убеждение в уникальности культурного объекта, невозможности его объяснения на основе общих законов. Понимание и феноменологическое описание рассматриваются как оптимальные методы анализа, исходя из ситуационной (т. е. изменчивой и локальной) детерминации события.

Историзация и социологизация эпистемологии проявляется в обращении к ситуационным исследованиям как альтернативе методу рациональной реконструкции истории науки К. Поппера. Образец обнаруживается в анализе языковых игр Л. Витгенштейна. По аналогии с витгенштейновским анализом различных языковых ситуаций как разных форм жизни ситуационные исследования раскрывают содержание некоторой системы знания в контексте конечного набора условий, исходя из того, какие социокультурные функции она выполняет. При этом обычно ссылаются на идею «полного описания» Г. Райла, тезис онтологической относительности У. Куайна, гештальтпсихологию, метод «grid and group analysis» антрополога М. Дуглас, методику «плотного описания» культуролога К. Гирца, «прикладную социологию» А. Шюца, художественно описывающую образы «чужака», «новичка» и др.

Методология ситуационных исследований переворачивает традиционное отношение между эпистемологией, с одной стороны, и историей и социологией знания – с другой, как между общим и частным. Исторические и социологические примеры теперь не столько подтверждают или иллюстрируют теорию познания, сколько «показывают» (по Витгенштейну) многообразие типов и форм знания, образующее реальный познавательный процесс. Тем самым оказывается влияние на теоретический статус эпистемологии, в которой начинают преобладать не абстрактные теории, а методы анализа социального содержания знания. Неоднозначные следствия из этой трансформации, в том числе для нового понимания природы философии вообще, – проблема, заслуживающая самого внимательного анализа и обсуждения.

И. Т. Касавин